

НОРМАЛЬНЫЙ ФАТАЛИЗМ ВИТАЛИЯ ЕГОРОВА

из кн. «Взгляд» - 1999 - февраль - с. 8

Фото Игоря ЯКОВЛЕВА

Виталий Егоров, артист Театра под руководством О. Табакова, пришел в подвал на Чаплыгина пять лет назад, окончив Школу-студию МХАТ. В последней премьере «Табакерки» — «Идиоте» по Достоевскому — Виталий сыграл князя Мышкина. И на следующее утро проснулся знаменитым на всю Москву.

— Перед тем как с вами связаться, услышала, что вы теперь, после Мышкина, почти недоступны.

— Первый раз слышу, серьезно! Во всяком случае, я для этого специально ничего не предпринимал. А может быть, хорошо, что такие слухи ходят... Письма мне пишут давно, открытки, подарки оставляют на вахте. Мне это очень приятно. Иногда и в цветах лежит открыточка с какими-нибудь теплыми словами. В этот момент ощущаешь себя очень счастливым... Я не понимаю артистов, которые начинают стонать по поводу избытка поклонников: это сплошное позерство и лукавство. Я очень люблю их, я очень им благодарен. Это невероятно тактичные люди. Или мне просто с ними

повезло.

— Какое чувство вы испытывали, узнав, что будете играть Мышкина?

— У меня был приятный шок, я несколько дней не мог оклематься. Я мечтал об этом! Наверное, каждый артист хочет сыграть Мышкина.

— Не страшно было браться за роль, стоящую в ряду Гамлета, Сирано и короля Лира?

— Поначалу очень страшно. Так получилось, что до «Идиота» я год не репетировал. И когда мы начали работать над Достоевским, у меня было ощущение, что я не помню, как это делается. Меня охватила паника — Боже мой, такая роль!.. Есть эталоны, созданные великими артистами: тот же Смоктуновский,

тот же Яковлев, у Курасавы есть замечательный фильм. Не хотелось, чтобы довлекло что-то, и я не пересматривал ни записей старых спектаклей, ни фильмов. Но мы начали репетировать, и постепенно я вошел: вот текст, написанный Достоевским, вот партнеры... Стало легче.

— У вас не только много ролей, но они и совсем разные — Художник из «Старого квартала», Левка из «Страстей по Бумбарашу», Гордунин из «На всякого мудреца...», князь Мышкин, наконец. Вас радует, что нет амплуа?

— Радует, что нет ярлыка! Спасибо Олегу Павловичу — он дает мне возможность быть разным. Это порой сложно — разные люди, разные периоды литературы и драматургии, есть какая-то специфика, но в основе всего лежат отношения между людьми, которые не изменились — и три века назад любили и ненавидели, рождали и умирали, и сто лет, и двадцать. У Достоевского в «Идиоте» — все страсти еще сильнее, еще ярче.

— Князь Мышкин — человек страсти?

— Он очень страстный человек. Сам Достоевский об этом говорил в набросках к роману. Мышкин — идеально обычный человек, в котором все есть, и при этом он открыт. Его трагедия в этой открытости: нельзя, попав в это общество, остаться таким же чистым.

— В спектакле присутствует явная параллель Мышкина с Христом. Иисус Христос тоже был страстен?

— Я думаю, да... Ой, не знаю, об этом вообще опасно говорить... Но — во всяком случае: один приехал на осле в Иерусалим, а другой — на поезде из Швейцарии в Петербург.

— В одном из интервью по ТВ вы говорили, что в вас есть что-то от Мышкина.

— Что-то есть... Господи, как странно себя сравнивать с ним. Но что точно есть в князе и, надеюсь, есть во мне: умение прощать людей. Я стараюсь просто не давать повода человеку меня обидеть.

— Вы фаталист?

— Есть чуть-чуть. И я верю в случай: он столкнул меня со столькими замечательными людьми, которые впоследствии стали моими хорошими друзьями. Наверное, я с виду человек спокойный, тихий, но я бы сошел с ума, если бы знал, что у меня будет завтра, а через год будет то же самое, пусть при этом было бы все замечательно. Иногда даже ждешь каких-то происшествий.

— Виталий, вы ведь, кажется, не москвич?

— Я из Корсунь-Шевченковского, это такой маленький городок в центре Украины, очень старый, с богатой историей, родина Шевченко. Старше Москвы — ему 970 лет.

— Интересно, а как вы относитесь к этой неразберихе отношений между Россией и Украиной?

— Мне это вообще непонятно и невероятно раздражает. Еще Россия с Норвегией делают что-нибудь — куда ни шло! А вот Россия и Украина... Почему я должен брать какое-то разрешение, чтобы ехать к маме?! Оказывается, деньги я домой по почте отправить не могу, только «с оказией»!

— А в отпуск ездите домой, на Украину?

— Да, всегда стараюсь. Иногда маму сюда выписываю. Она приезжает, смотрит мои спектакли.

— И как впечатление от игры сына?

— Ей очень нравится. Она наконец поняла, что то, чем я занимаюсь — действительно работа, профессия, и стала разговаривать со мной об этом серьезно. Я ей очень благодарен, поскольку она не только не препятствовала моему совершенно необдуманному поступку ехать учиться в Днепропетровское театральное, а даже помогала. Иначе ведь — никто не знает, как бы оно повернулось.

— Вы не женаты?

— Пока нет. Мне нужно привыкнуть к этой мысли, втянуться в семейный образ жизни. Может быть, я к этому пока не

готов. По сути своей актер — человек одинокий, пусть даже у него есть семья. И в какой-то момент ему это помогает. Ведь обязательно нужно и страдать, и мучиться. Иначе все вообще ни к чему!

— Когда вы играете Пьетро Дегани в «Сублимации любви» на сцене чеховского МХАТа, у вас не возникает мысли: «Я на сцене, где играли Качалов, Станиславский, Москвин!»?

— Это поначалу было, когда мы только учились в Школе-студии. Заходили в театр, шли через сцену — Боже мой, какое счастье! Еще у нас практиковался выход в массовках. И, помню, первый раз я вышел на сцену в спектакле «Ундина» в роли Смерти, с косой. Вот где я трясся, понимая, что это сцена, по которой ходят Смоктуновский, Ефремов. Но когда в серьезной, большой роли там работаешь, ощущение другое.

— Смоктуновский должен был играть Арбенина в «Маскараде»...

— Боже, это уникальный был человек! Потрясающий актер, интеллигент до мозга костей. Я благодарен судьбе за те три или четыре репетиции, которые у нас были с ним. Шел «застольный» период, читка пьесы... В школе-студии у нас был педагог Виленкин, он преподавал нам теорию стиха. Чистая техника. Ведь это безумно сложно — играть в стихах. А Смоктуновский потрясающе владел стихом. Этот гений садился и читал так, что можно сразу давать по радио в эфир... И вот мы читаем диалог, а он вдруг осекается: «Простите, можно я еще раз?» И это Смоктуновский у меня, студента, спрашивает! Я рот открываю, как рыба, вытщенная из воды, у меня голоса нет, чтобы сказать: «Конечно, что вы!»

— А потом репетировал Ефремов?

— И причем совершенно по-другому. Арбенин Смоктуновского был таинственным, неземным. А Ефремов внес настоящую жизнь, все сцены словно налились кровью. Ефремов запертил режиссеру приносить

книги Мейерхольда, потому что тот все время говорил: «А вот у Мейерхольда было иначе, давайте сделаем так, как у него...» Ефремов его обрывал: «Да подожди ты со своими книжками! Он же хочет эту бабу!» И ты понимаешь, что если под литературный, драматический материал подкладывается настоящее, живое, то в этом есть смысл. Он артист гениальный... Я все время пропускал свои реплики, потому что уходил в наблюдения за ним. То же самое — с Табаковым работать. Тебе нужно пять репетиций, чтобы что-то усвоить, а он все делает моментально.

— У вас есть любимая роль?

— Каждая роль вызывает у меня добрые чувства, каждая — любимая. Про Мышкина я пока не могу говорить, еще не осознал до конца... Белый клоун из «Смертельного номера» — вот, может быть, самая любимая. Это романтический образ, но в какие-то моменты Белый бывает человеком очень сильным, решительным.

— У вас есть одна идея, которая проходит через каждую роль?

— Я во всех ролях пытаюсь любить. Мой педагог в Школе-студии МХАТ, Михаил Андреевич Лобанов, всегда об этом говорил. Про любовь нужно играть все — от «Сталеваров» до «Отелло» — тогда любая пьеса будет понятна. И мне такая позиция очень нравится. Я вообще человек очень влюбчивый.

— С высоты вашего профессионального положения: чем актер-человек отличается от обыкновенного человека?

— Да сумасшедший он... Все воспринимает по-другому. Обычный человек каких-то вещей просто не замечает, воспринимает их как должное. А актеры начинают и во внетеатральной жизни искать какие-то мизансцены. Бред полный, но актеры ведь! Ненормальные люди, ненормальные!

Беседовала
Анастасия ТОМСКАЯ